

Н. О. БЛЕЙХ

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ У МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В статье поднимаются вопросы эволюции системы просвещения на Северном Кавказе на протяжении XIX в., выявляются формы мусульманского просвещения, их трансформации. Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что именно в XIX в. наиболее ярко проявилась инновационная политика Российской империи в области просвещения применительно к мусульманским народам периферийных районов. Доказывается, что трансформация институтов, обеспечивающих религиозное образование, определялась политикой русской администрации в отношении ислама и мусульман на Северном Кавказе. Для этого в 1847 г. был создан Кавказский учебный округ, деятельность которого заключалась в популяризации просвещения среди горских народов. Его функции заключались в пролонгировании российских законодательных нормативов, касающихся открытием различных видов образовательных учреждений: школ, уездных училищ, гимназий и прогимназий. Такая система просвещения оставалась без изменений вплоть до 1917 года.

Ключевые слова: *Российская империя, Северокавказский край, исламское мировоззрение, духовная культура, школьная политика, образование*

Ислам связывает разные народы с различной этнической спецификой в единое целое. То же свойственно и мусульманскому образовательному процессу, который направлен на воспитание гармонически развитой личности, а конфессиональное образование является тем базовым компонентом, на котором зиждятся долговечные основы духовной жизни общества. Однако данное великое наследие мало изучено.

Несмотря на имеющиеся работы ученых XIX–XX вв. и новейшие исследования теоретиков XXI в.¹, до сих пор нет комплексных исследований, касающихся традиционного конфессионального образования мусульман всего Северного Кавказа. Между тем, исследование истории развития исламского образования необходимо и в просветительском плане. Чтобы в обществе не было место реакционным течениям, искажающим мусульманскую идеологию, нужно обратиться к историческому прошлому духовного наследия горцев-магометан, которое может принести пользу и для современной педагогической системы.

Итогом исламской колонизации стало проникновение восточной (арабской) культуры на Северный Кавказ. Одним из основных ее компонентов стало образование, так как ислам всячески поощрял образованность. В Коране концепты «верить» (амана) и «знать» (‘алама) синонимичны. В нем имеется изречение: «Возвышает Всевышний тех из вас, кто верит, и тех, кому даётся знание, по различным степеням². Известный теолог ал-Газали говорил: «...интерес к знанию должен носить для

---

¹ Блейх 2017: 19-26.

² Коран, 1986: 11.

каждого правоверного обязательный уклон». И отмечал: «Под знанием объявленной обязанностью каждого магометанина, подразумевается исключительно знание, которое ведет к познанию Аллаха. А именно есть знание о Всевышнем, которое есть Наука о [его] единстве (атаухид), есть нужное знание, для каждого разумного человека (акил)»³.

В противовес довлеющему в кавказской историографии мнению о якобы поголовной неграмотности мусульманского населения вплоть до 1917 года, осмелимся предположить, что среди правоверных грамотность была много выше, чем у православных, так как уже с X в., в ходе поэтапной исламизации горцев Северного Кавказа у них начала складываться своеобразная система образования, представленная тремя звеньями (а не двумя, как отмечается в классической литературе): коранической школой, школой среднего порядка (мектебе) и высшего звена (медресе). Однако эта традиционная структура не имела под собой строгой образовательной базы и смогла оформиться в упорядоченную систему только благодаря присоединению Северного Кавказа к Российскому государству при наличии конкурирующих между собой имперских образовательных проектов – миссионерского и министерского (Министерства народного просвещения). Каждый из них, согласно представлениям русской политической элиты, был направлен на формирование лояльности империи у «диких разбойничьих племен», «на привитие инородцам истинных понятий гражданственности и цивилизации»⁴.

Специфика исламского образования на Северном Кавказе определялась временем и характером распространения учения Мухаммада в регионе. «Относительно позднее проникновение ислама, особенно интенсивное в период Кавказской войны (1817–1864) и абсолютное преобладание традиционных этнических регуляторов общественных взаимоотношений над исламскими идеями «покорности Всевышнему и следования Его воле и Закону» предопределили медленное формирование, а иногда и отсутствие многих институтов и дифференцированного социального слоя, обеспечивающих хранение, воспроизводство и трансляцию знаний об исламе», – считает профессор Д. Арапов⁵.

Источники первой половины XIX в. (в основном сочинения европейских авторов, характеризующие систему воспитания горских детей), позволяют судить о том, что на Северном Кавказе приобщение ребенка к исламу в этот период не являлось частью воспитательного процесса. На этом фоне исключительным выглядит сообщение начальника штаба Черноморской береговой линии Н.И. Карлгоффа, зафиксировавшего новую тенденцию: «...изучение турецкого языка и догматов мусульманской веры составляет исключительно предмет образования того класса людей, который сколько-нибудь заботится о воспитании детей»⁶.

³ Al-Ghazali, 1998: 4.

⁴ РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.552. Л. 12об.

⁵ Арапов 2004: 15.

⁶ Карлгофф 2004: 57.

Распространение религиозных школ, арабского и турецкого языков в XVIII – начале XIX в. было обусловлено продолжающимися процессами исламизации горцев. Турецкий использовался «для внешних сношений» жителями черноморских центров торговли с Османской Портой, а устная форма арабского – среди духовных лиц: «Служители исламского культа, называемые в русских источниках имамы, кади, муллы и эфенди, свои традиционные обязанности – пятничные молитвы в мечетях, проведение обрядов жизненного цикла, осуществление судопроизводства по шариату, обучение детей чтению Корана, арабскому письму и основам мусульманского вероучения, сбор и распределение закята – осуществляли в обществе, где разные социальные слои были носителями религиозности разной степени, а языческая обрядность в виде масштабных молений в священных местах преобладала над мусульманской»⁷. Почти до второй половины XIX в. и начала процессов интеграции Северокавказского региона в Российскую империю служители культа представляли собой довольно рыхлый социальный слой. В реестре добродетелей духовных лиц репутация доблестного воина имела едва ли не меньшее значение, чем репутация благочестивого эфенди. Академик Ф.А. Щербина писал: «Мулла... мог жить и отправлять духовную службу, где желал, но непременно должен был участвовать в сражениях и в важных случаях быть впереди»⁸.

Начиная с конца XVIII в. до 1840-х гг., до открытия российскими властями первых учебных заведений для детей горцев, обучение детей обеспечивали духовные лица. Дж. Белл пишет, что муллы были единственными учителями в Черкесии. «Грамотность на черкесском языке не существует, а знание арабского языка мало распространено в народе. Большая часть князей и старшин не знает грамоты, а потому муллы и эфендии, знающие арабский язык, суть единственные представители грамотности в народе, и на народных вече и разбирательствах имеют большой вес. Однако их познания в арабском языке ограничивались объемом, необходимым для произнесения текстов пятикратных молитв и ритуальных формул свадебного и погребального обрядов»⁹.

По источникам первой половины XIX в. не представляется возможным восстановить всю картину преподавания, точно выявить количество школ при мечетях и изучаемые предметы, длительность обучения, возрастной ценз, количественный состав и образовательную степень как обучающихся, так и обучаемых. Хотя известно, что в исламских областях Северного Кавказа духовное (исламское) образование совершалось при мечетях или на дому у местных мулл, получивших образование в Турции или Дагестане. При каждой мечети велось обучение детей первоначальным знаниям об исламе. Самое подробное указание на количество примечетских школ принадлежит английскому полити-

⁷ Селимханов 1902: 524.

⁸ Щербина 1913: 25.

⁹ Белл 1978: 524.

ческому агенту Дж. Беллу, знакомый которого, эфенди Измаил, обучающий в своей школе при мечети 12 мальчиков из соседних 16-ти аулов, сообщил ему, что «восточнее и севернее Геленджика, должны находиться около 40 школ, таких же, как и его, причем каждая посещается от 10 до 60 человек учеников. Если взять в среднем 20, то число детей, обучающихся в них, равно 800»¹⁰. Обучение для желающих стать муллой длилось 3 года, и от 15 до 20 лет – для тех, кто хотел получить должность кади. За обучение детей, как мальчиков, так и девочек, духовные лица получали натуральные выплаты в виде зерна, меда, мяса.

После окончания Кавказской войны и завоевания западной части Кавказа реализация имперского проекта «умиротворения Кавказа» обусловила изменение форм религиозного образования. К 1880 г., после неоднократного административного переустройства Кубанской области, куда вошло население Западного Кавказа, адыги были включены в три из ее семи отделов – Майкопский с центром в г. Майкопе, Баталпашинский и Екатеринодарский с центром в г. Екатеринодаре. Кавказская война внесла значительные изменения в демографическую ситуацию в регионе: в 1897 г. в Кубанской области проживало 1918881 жителей, из них самая большая группа (русские) насчитывала 1737908 чел. (90,6%), адыги – 52798 (2,75%), карачаевцы – 26877 (1,4%), греки – 20137 (1%), армяне – 13926. (0,7%)¹¹. Немногочисленность коренного населения объясняется демографическими последствиями мухаджирского движения – переселения горцев в Турцию, в результате чего за пределами исторической родины оказалась большая часть горцев.

В период после окончания Кавказской войны и начала процессов интеграции региона в «тело империи» трансформация институтов, обеспечивающих религиозное образование, определялась политикой русской администрации в отношении ислама и мусульман на Северном Кавказе, которые отличались по своим типологическим характеристикам от мусульман Поволжья и Крыма, с которыми уже сложилась устойчивая и относительно длительная практика государственно-конфессиональных отношений. Основными инструментами осуществления конфессиональной имперской политики стали созданные и законодательно закрепленные Оренбургское магометанское духовное собрание (1788) и Таврический муфтиат (1831), вокруг которых была сформирована система управления духовной жизнью в соответствующих регионах. В предметы ведения духовных управлений, возглавляемых муфтиями, входило назначение и наблюдение за приходским духовенством соответствующего округа, осуществление обрядов, заведение мечетями и школами при них, вакуфной собственностью, ведение метрических книг. Для Северного Кавказа организация самостоятельного муфтиата оставалась «вопросом вопросов» конфессиональной

¹⁰ ГАКК. Ф. 779. Оп. 1. Д. 4. Л.40.

¹¹ Северный Кавказ в зеркале имперской статистики 2007: 385-395.

политики начиная вплоть до 1914 г., в контексте которого следует рассматривать проблемы организации религиозного образования¹².

Комплекс стереотипов, сформировавшихся у русской политической элиты как в Петербурге, так и в Тифлисе, определял отношение к горцам как к «буйным, склонным к разбоям фанатикам-мусульманам» и связывал развитие у них религиозного фанатизма с созданием муфтиата и решением проблемы упорядочения духовной жизни. Все проекты духовного управления для Северного Кавказа – в самых поздних предусматривались возможности организации мусульманских школ с санкции региональных начальников – рассматривались как открывающие перспективы для возникновения нового центра консолидации мусульман и развития антигосударственной активности в тех регионах Кавказа, где ислам не был широко распространен. В этом плане показательна записка начальника правого фланга Кавказской линии графа Н.И. Евдокимова. В ней видно понимание того, что шариат и мусульманские институты не получили развития у горцев Северо-Западного Кавказа, и в этом их принципиальное отличие от других мусульманских народов Северного Кавказа. Н.И. Евдокимов, автор трагического для адыгов проекта их полного выселения с исторической территории, предлагал «оставить положение магометанского духовенства в здешнем крае в том виде, как оно ныне находится», и не создавать структур, способствующих формированию образованных мулл и эфенди как «руководителей, которые повели всех их к одной цели – утверждения шариата»¹³. Тем не менее, опыт организации российскими властями школ при мечетях и приглашения законоучителей существовал. В 1805 г. Главнокомандующий в Грузии П.Д. Цицианов, наставляя генерала И.П. Дельпоццо, пристава Большой и Малой Кабарды, писал о необходимости строительства за счет казны мечетей в Георгиевске и Константиногорске и школ при них, которые будут пополняться учениками с помощью мулл; в 1842 г. в занятую русскими войсками еще в 1828–1829 г. крепость Анапу (ранее бывшую одним из основных центров политической и миссионерской активности Османской Порты на Черном море) для богослужения в мечети и для обучения детей-аманатов из Керчи был приглашен мулла (ему платили жалованье наравне с православными священниками)¹⁴.

Наместничество князя М.С. Воронцова (1845–1854) отразило победу регионализма над централизмом в реализации кавказской политики Петербурга, справедливо получив в новейшей историографии сравнение с «золотым веком» для Закавказья, когда формирование образованных духовных кадров как проводников русского влияния находилось в ряду главнейших мер образовательной политики. Сдавая дела после 9 лет управления Кавказским краем генералу Н.А. Реаду, князь М.С. Воронцов, по личному указанию императора, составил для генерала ин-

¹² Блейх 2017: 85-99.

¹³ РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.552. Л. 12об.

¹⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 49. Оп. 23. Лл. 58-123.

струкцию, в которой изложил принципы своего управления Кавказом. Прекрасно зная вариативность функционирования ислама от Дагестана до северных склонов Кавказского хребта, наместник придавал особое значение организации мусульманских школ для подготовки духовных лиц. «Школы эти оказываются для нас весьма полезными приготовлением способных мулл и кадиев, которые после расходятся по всему краю, с выгодою, что не только хорошо знают русский язык, но, по крайней мере, большей частью нам привержены и благодарны за воспитание»¹⁵. Сам князь не только на словах озаботился состоянием образования мусульман в подведомственном ему крае. Под его непосредственным руководством в 1847–1849 гг. открылись несколько мусульманских училищ и 6 духовных школ. В них обучалось 586 человек¹⁶.

В то время как в фокусе внимания наместника находился Северо-Восточный Кавказ и Закавказье, аналогичные вопросы неизбежно приобретали особую актуальность и для Северо-Западного Кавказа, на территории которого уже происходили последние сражения Кавказской войны, и потому проблемы выработки стратегии по отношению к мусульманскому духовенству и, в частности – к его кадровому воспроизводству, со стороны кавказской администрации были особо значимы.

Порядок организации духовной жизни на Северо-Западном Кавказе, определенный текущими местными распоряжениями, сложился в течение 1870-80-х гг.: были учреждены горские словесные суды и определены функции и границы полномочий уездных (отдельских) кади в горских словесных судах; выработаны процедуры «испытания» на должность кади и эфенди, а также определен порядок избрания духовных лиц аульными обществами, сформирована иерархия духовных лиц – кади, старшие и младшие эфенди, муэдзины. Однако школы при мечетях и вообще духовное образование, в том числе и вопрос подготовки квалифицированных служителей культа, до начала 1840-х не были объектом какого-либо внимания региональных властей¹⁷.

Образовательный ландшафт Северного Кавказа стремительно усложнялся, уже начиная с 1840-х гг. Преподавание ислама было введено в учебные заведения, созданные государством специально для детей горцев с учетом своих собственных политических задач и северокавказской нормативной культуры. В то же время продолжали функционировать уже действующие школы медресе, методика преподавания и круг изучаемых дисциплин в которых не изменялись вплоть до начала революционных событий 1917 г.

Дело мусульманского образования сдвинулось с «мертвой точки», когда в 1847 г. по «Высочайшему соизволению» был создан Кавказский учебный округ, деятельность которого заключалась в популяризации просвещения среди горских народов. Кавказский учебный округ дей-

¹⁵ Всеподданнейшее письмо кн. Воронцова 1885: 98.

¹⁶ Отчет князя М.С. Воронцова 1885: 197.

¹⁷ См.: Блейх 2017: 170.

ствовал на основании индивидуальных законодательных нормативов. По «Положению о Кавказском учебном округе» 1847 г. он подчинялся наместнику, непосредственное руководство учебным округом осуществлял попечитель, в зависимости от которого находились директора и инспекторы народных училищ. В структуре округа действовало четыре дирекции: Тифлисская, Кутаисская, Ставропольская, Черноморская. Школы при мечетях, как и частные школы и школы при церквях, частные пансионы и частные учебные заведения формально вошли в их ведение. Новое «Положение о Кавказском учебном округе» 1853 г., принимавшееся уже при активном участии новой кавказской администрации и Кавказского комитета, где были сильны позиции централистов, ничего не изменило в статусе мусульманских школ.

В рамках учебного округа российские власти занялись учреждением системы учебных заведений (школы, гимназии, прогимназии, уездные училища), рассчитанных на обучение детей горцев, чиновников и военных. Блестящие военные карьеры, которые вчерашние уроженцы горских аулов, выпускники прежде всего гимназий, делали в центральных городах России – Москве и Петербурге и у себя на родине, гарантированное финансовое благополучие, приобретенные в стенах гимназий связи, иной раз определяющие очередную разворот их судьбы, расширение возможностей самореализации и, что немаловажно для кавказского менталитета, демонстрация мужской успешности своим соплеменникам усиливали престижность именно русских учебных заведений и делали их все более притягательными и популярными среди горской аристократии. К началу XX в. в гимназиях, прогимназиях, реальных училищах, городских училищах, станичных общественных и частных русских школах обучалось уже около 2500 детей адыгов, 45 ингушей, 678 черкесов, 112 чеченцев, 98 дагестанцев¹⁸.

Перед горскими школами ставилась цель посредством просвещения содействовать у горского населения популяризации российской гражданственности. Эти учебные заведения были двух видов – окружные и начальные. Если в начальных преподавались только чтение, математика, чистописание, окружающий мир, рисование, то окружные соответствовали уровню средних училищ, которые давали право продолжить образование в гимназиях. Сначала горские школы открывались в крупных городах и районных центрах – Нальчике, Грозном, Владикавказе, Дербенте, Карачаевске, затем в крупных селениях – Халкан-Юрте, Усть-Лабее, Сухум-Кале, Марденкале, в них обучалось 420 воспитанников. За счет казны в пансионах содержалось 150 горских и 95 русских детей. Обучение было платным, но одаренные дети из несостоятельных семей могли быть освобождены от выплат¹⁹.

Весь образовательный процесс в горских школах проходил на русском языке. История введения в школы для горских детей русского

¹⁸ Чеучев, Хамирзова 2001: 29.

¹⁹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 173. Л. 2об.

языка и его роль как консолидирующего империю фактора может стать предметом особого исследования; здесь же отметим, что в процессе противопоставления русского образовательного проекта мусульманским школам на Северном Кавказе русскому языку отводилась идеологическая роль. Однако в большинстве учебных заведений (Ставропольской, Екатеринодарской гимназиях, в аульских школах) изучались и местные языки как средства противодействия арабскому языку в мусульманских районах Кавказа. Эта установка была в 1866 г. сформулирована в рапорте, направленном из Кавказского военного округа Начальнику Кубанской области Ф.Н. Сумарокову-Эльстону: «...распространением же туземной грамотности может быть достигнута Правительственная цель разъединения враждебных нам интересов горских племен, которых связующим звеном служит в настоящее время арабская письменность и арабская ученость»²⁰. В 1869 г. языковед, специалист по кавказским языкам барон П.К. Услар, 20 лет проживший в Дагестане, отмечал: «Мы совершенно устраняем вопрос религиозный. Прозелитизм не наше дело. Не христианские школы противопоставляем мы мусульманам, а русские арабским, русский язык арабскому»²¹.

По Уставу о горских школах 1859 г. в них работали законоучители мусульманского и православного исповедания, три педагога по разным наукам и один воспитатель. По штатному расписанию жалование и мусульманского, и православного законоучителя было 100 руб. в год, только в Нальчикской школе жалование православного вероучителя было больше – л 150 руб. в год, оба назначались только после своеобразного экзамена на профессиональную пригодность по основам православия (священники) и мусульманского закона (муллы) Попечителем Кавказского учебного округа. Помимо духовных предметов преподавали русский язык и грамматику, мировую и российскую географию, всеобщую и российскую историю, арифметику и начала геометрии. А с 1879 г. вводились дисциплины по арабскому и французскому языкам (на выбор).

Через горские школы прошло много детей, например, школа, открытая в Майкопе в 1866 г., выпустила до 1892 г. 177 человек, в основном адыгов. Большую роль в процессах сохранения мусульманской идентичности играла Ставропольская гимназия. Воспитанники из горцев, впервые появившиеся в ее стенах в 1849 г., имели возможность получать знания об исламе и отправлять свои духовные обязанности, для чего в гимназии им была выделена молельная комната. Ставропольская гимназия была единственным учебным заведением в Российской империи, где в 1852 г. открылись специальные классы для подготовки горцев-мусульман к поступлению в высшие учебные заведения, а также для профессионального обучения будущих учителей. Через 20 лет здесь специально для выходцев с Северного Кавказа было учреждено горское отделение, программа которого соответствовала программе реальных

²⁰ ГАКК. Ф.454. Оп¹⁵ 22 23 .2. Д.764. Л.14 об, 15-15об.

²¹ Услар 1870: 16.

училищ Российской империи. В 1880-1881 гг. оно было преобразовано в реальное, где стало приоритетным преподавание естественных наук²².

Срок обучения в гимназии составлял 7 лет, обучение осуществлялось на русском языке. В то же время гимназия стала площадкой, где реализовались идеи М.С. Воронцова о необходимости изучения местных языков русскими воспитанниками. Отечественные языки преподавались в начальных классах по 10 уроков в неделю. Татарский язык изучали все ученики, черкесский – все казеннокоштные воспитанники и дети, содержавшиеся за счет Кавказского линейного казачьего войска, армянские учащиеся изучали родной язык. Учитель черкесского языка У. Берсей, служивший в этой гимназии, создал «Букварь черкесского языка», где предложил вариант азбуки, высоко оцененный современными специалистами как значительное достижение отечественной кавказоведческой науки того времени. В специальных классах Ставропольской гимназии преподавался арабский язык для готовящихся на восточное отделение филологического факультета. В 1875 г. в учебный план гимназистов входили следующие дисциплины: закон Божий (для мусульман – «мусульманский закон»), русский язык, словесность, логика, латынь, греческий язык, математика, география, физика, история, французский, немецкий, естественная история, химия, рисование, чистописание²³.

Преподавание ислама занимало 2 часовых урока в неделю для учеников 1–7 классов. Ф. Юхотников, учитель русского языка Ставропольской гимназии, в своих воспоминаниях подчеркивал, что наличие среди образовательных предметов «мусульманского закона» способствовало повышению репутации этой гимназии среди горцев. «Отцы, на долю которых впервые выпал жребий послать туда своих детей, разумеется, по настоянию русских начальников или по совету образованных горцев, искренно нам преданных, отпускали их не только с полным недоверием к сохранению религии, но и совершенно безнадежностью на возврат, а некоторые опасались даже и за самую жизнь их. Многие отцы, отдавши детей своих и считая их на веки погибшими, а себя вполне осиротевшими, хотели бежать в горы, а это означало месть и сильнейшую вражду к русским. ...Но вот они ежегодно являются домой на каникулы: сыновья их по-прежнему мусульмане... Они являлись в родной аул с новыми познаниями и на родном языке, ...религия здесь не была затронута, обряды их исполнялись с большой точностью и усердием»²⁴. Однако изучение «мусульманского закона» не было обеспечено необходимой методической литературой. Уникальный источник – каталог ученической библиотеки Ставропольской гимназии – показывает, что в библиотеке, которая насчитывала в 1873 г. 3000 томов и 1500 названий, среди классических произведений русских и европейских авторов (Пушкин, Карамзин, Грибоедов, Гоголь, Жуковский, Державин, Гете, Шекспир, Дик-

²² Блейх 2015: 03-07.

²³ Кошев 1991: 45.

²⁴ Юхотников 1871: 13.

кенс. Теккерей, Вальтер Скот, Сервантес), исторических (Тъери, Гизо, Костомаров, Устрялов, Маколей) и богословских сочинений (Библия, сочинения митрополитов и архиепископов, иноков) не было ни одного текста Корана и ни одного сочинения мусульманского автора²⁵.

Инициатива учреждения школ, в которых бы наряду с общеобразовательными дисциплинами и русским языком, преподавались бы основы ислама, принадлежала не только государству, но и аульным обществам. Особенно большое число – около 100 школ – было открыто в Кубанской области в 1861–1867 гг. Аулы, принявшие решение открыть подобные школы, население которых было готово взять все расходы на их содержание, на западе региона были сконцентрированы вокруг Екатеринодара, центра экономического, торгового, интеллектуального и культурного притяжения для кавказских горцев.

В 1870-х гг. кардинально меняются правительственные установки в отношении горской школы. Это связывается с завершением Кавказской войны и умиротворением края. На повестке дня оказался вопрос скорейшей экономико-социальной интеграции Северокавказского региона в тело российской государственности. Для этого были проведены правительственные мероприятия по внедрению стандартов образовательного процесса, принятых в империи. Горские школы модернизировались по примеру российских, работающих по указаниям Министерства народного просвещения. Коснулись эти нововведения и конфессиональных школ. Теперь их программы строились на специальных циркулярах куратора Кавказского учебного округа. Один из них – «Об отношении дирекций народных училищ к исламским школам», вышедший в марте 1877 г., выделял духовные школы общеобразовательного характера в особый тип. В них должны были преподавать, кроме Корана и местной грамоты, еще и русский язык. Только такие школы имели поддержку руководства округа и находились под контролем дирекции народных училищ. Прочие же мусульманские учебные заведения в расчет не брались²⁶. Предписание 1878 г. закрепило это деление: в нем говорилось, что «мечетские школы нельзя приравнять к народным училищам, так как они играют роль только школ религиозно-племенных и имеют целью распространение грамотности, а не образования»²⁷.

Все эти циркуляры наглядно демонстрируют, что конфессиональные мусульманские школы не находили понимания в среде царских чиновников и оставались без какой-либо государственной поддержки, потому и отсутствуют в архивах точные данные по ним. Однако в архивах мы нашли статистику, позволяющую определить, что в начале 1890-х гг. в адыгских аулах Екатеринодарского и Майкопского отдела действовала 101 мечеть. Если взять за основу предположение Дж. Белла о том, что в каждой мечети обучалось порядка 20 детей, то в 101 мечети, действу-

²⁵ ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 173. Л.2об.

²⁶ Блейх 2018: 96.

²⁷ Блейх 2017: 170.

ющей в 1890-х гг, училось около 2000 детей. Учитывая, что численность западных адыгов Кубанской области составляла 37.750 человек, в школах при мечетях обучалось примерно 17% детей школьного возраста²⁸.

Мусульманские школы представляли собой застывшую во времени структуру, не способную не только дать своим выпускникам возможность дальнейшего социального продвижения, но и обеспечить достойный уровень освоения ислама. Работавший в конце XIX в. наставником Кубанской учительской семинарии В.В. Васильков писал: «В медресе, кроме изучения арабской грамоты, занимаются еще чтением Корана, но без всякого толкования смысла его. На вопрос любознательного ученика о значении того или другого прочитанного места из Корана учитель обыкновенно отвечает, что он сам плохо понимает, а потому боится своими ошибочными толкованиями оскорбить святость Корана»²⁹. Другие авторы обращают внимание на то, что в медресе практиковалось взаимное обучение, когда старшие ученики обучали младших, что их условия жизни «были по-спартански суровыми и простыми. Большинство учащихся медресе в силу жестоких телесных наказаний, суровых условий обучения и холодных помещений часто болели, у них были распространены болезни глаз ввиду плохого освещения, туберкулез и т.д.»³⁰.

Период сложностей в мусульманском духовном образовании совпал с активизацией миссионерских православных школ в крае, т.н. «русских школы грамоты». Идея христианизации и «желание правительства обрусения» горцев Кавказа, использования православия как инструмента политической стабилизации присутствовала в интеллектуальных кругах и в записках многих представителей русской бюрократической и особенно военной элиты, прошедшей через опыт Кавказской войны. Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л.М. Серебряков был одним из тех, кто задал тон в обсуждении этой проблемы. Он указал на необходимость «противупоставления крайнему демократическому направлению мюридизма ту охранительную политическую систему, которой следует христианство, но противупоставления сознательно, чтобы было ясно видно различие в образе действий двух религий»³¹. В завершенном виде проект христианизации горцев воплотился в «Обществе восстановления православного христианства на Кавказе», созданном по инициативе Наместника Кавказского князя А.И. Барятинского. Важным этапом в становлении православной церкви на Кавказе стало открытие 16 января 1843 г. Кавказской епархии с центром в Ставрополе, которая уже в 1885 г. распалась, вместо бывшей Абхазской епархии были учреждены самостоятельные Владикавказская и Сухумская епархии, Кавказская епархия получила название Ставропольской.

²⁸ Данные административной статистики о черкесских аулах Адыгейской области 1927: 33-35.

²⁹ Васильков 2004: 47.

³⁰ ЦГА РСФСР-А. Ф. 49. Оп. 23. Лл. 58-123.

³¹ Записка вице-адмирала Серебрякова 1885: 28.

Адыгские аулы Майкопского отдела Кубанской области попадали в сферу интересов Ставропольской епархии и ее преосвященного Агафодора. На средства Епархиального миссионерского комитета в 1900 г. в 9 горских аулах были открыты «школы русской грамоты». В письме Начальника Кубанской области и по совместительству Наказного атамана Кубанского казачьего войска директору народных училищ области прямо говорится о том, что создание школ обусловлено целями «просвещать горцев в духе православия»³².

В нескольких школах – Джерокаевской, Хатукаевской, Хачемзиевской, Егерухаевской, Ходзской – арабский язык преподавали старшие эфенди этих аулов. Очевидно, неграмотные горцы, приговорами аульных обществ санкционируя открытие православных школ, не отдавали себе отчета в том, какие именно школы они обязывались материально поддерживать, так же, как и мусульманские духовные лица, рекрутированные в школы для преподавания арабского языка, не понимали, в каких школах преподают.

Сведения о реакции горцев на эти школы противоречивы: в Ставропольских епархиальных ведомостях дается гармоничная картина существования школы и мусульманского населения, которое содержало школу, оставляя Комитету миссионерского общества только выплату жалования педагогу; жители аула Блечепсин, сообщают ведомости, вообще были готовы «устроить для школы специальное здание из старой мечети»³³. В то же время инспектор народных училищ Кубанской области в своем отчете от 20 декабря 1901 г. сообщает, что «во всех этих школах учителями состоят лица, далеко неподготовленные не только вести эти школы в миссионерских целях, но даже удовлетворительно простое обучение инородцев русскому языку»³⁴.

Наличие православных священников в епархиальных школах и низкий уровень квалификации учителей едва не спровоцировали «бунт среди местного населения», которое и так отправляло детей в эти школы под давлением аульской администрации. Жители аула Ульский отказались помогать миссионерским школам, поняв, что они находятся на содержании православной епархии. По мнению инспектора народных училищ, школы не оправдывали своего предназначения, обходились Миссионерскому Комитету дорого и должны были смениться министерскими народными училищами. Кроме того, Положение о церковных школах Ведомства православного исповедания (1 апреля 1902 г.) устанавливало, что миссионерские школы могут быть открыты только в православных приходах и монастырях. Вскоре миссионерские школы в адыгских аулах были закрыты, а учителя изгнаны из аулов и едва не избиты. Такая же картина сложилась на Восточном Кавказе. Православные школы не прижились среди местного населения и потому были закрыты.

³² ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 173. Л.2об.

³³ Ставропольские епархиальные ведомости 1902: 506.

³⁴ РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.552. Л. 12об.

Все изложенное позволяет сделать следующие выводы. До 70-х гг. XIX в. горская традиция, направленная на образование и воспитание, отводила обучению исламу не много места, хотя существовала веками отработанная система: коранская школа – медресе – мектебе. Популярностью пользовались коранская школа (начальная) и медресе. В мектебе поступали лишь обеспеченные горцы. Количество детей в школах при мечетях было небольшим, обучение велось нерегулярно и бессистемно, и потому большинство детей оставались неграмотными.

Политическая ситуация, обусловленная завоеванием Северного Кавказа и его последующей интеграцией в состав Российской империи, предопределила изменения образовательного ландшафта. В исламском социокультурном ансамбле, сложившемся на Северном Кавказе на рубеже XIX столетия, конфессиональному образованию стало придаваться большее значение. Преподавание ислама было введено в учебные заведения для детей горской аристократии, созданные в рамках русского образовательного проекта на Северном Кавказе, и служило инструментом формирования лояльных элит. В то же время обучение Корану и арабскому письму сохранялось в мусульманских школах, находившихся вне контроля российской учебной администрации.

Школы при мечетях, будучи рассчитаны на низшие сословия, со своими скромными возможностями, не могли конкурировать с русскими учебными заведениями, открывавшими перспективы социального продвижения для детей из высших слоев горского общества. Данное обстоятельство предопределило решение аульских обществ об организации школ, в которых преподавание арабской грамоты и Корана сосуществовало с изучением светских дисциплин, но присутствие православных священников в епархиальных школах, а также низкий уровень квалификации учителей вызвали недовольство местного населения. Позже, в начале XX в., это подтолкнуло горскую интеллигенцию к активной организации новометодных религиозных школ.

Источники

- ГАКК. (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 774. Оп. 2. Д. 173; Ф. 779. Оп. 1. Д. 4; Ф. 454. Оп. 2. Д. 764.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14257. Оп. 3. Д. 552. Л. 12об.
- Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 49 (Отдел народного образования Исполнительного комитета Владикавказского округа). Оп. 23. Лл. 58-123.
- Центральный государственный архив Российской Федерации (ЦГА РФ). Ф. 173 (Канцелярия попечителя Кавказского учебного округа). Оп. 4. Д. 385. Л. 158.
- Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 гг. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII–XIX вв. Нальчик, 1978. 765 с.
- Васильков В.В. Очерк быта темиргоевцев // Ландшафт, экономическое и Историческое развитие Северного Кавказа в XIX — начале XX в. - Нальчик: Эль-фа, 2004. 632 с.
- Всеподданнейшее письмо кн. Воронцова от 1 марта 1854 г // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т.Х. Тифлис, 1885. 321 с.
- Данные административной статистики о черкесских аулах Адыгейской области за 1893 год (Извлечение из Кубанской справочной книжки 1894 года с сохранением таблич-

- ных заголовков) //Список населенных пунктов Адыгейской автономной местности по положению на 1-е января 1927 года. Краснодар, 1927. 432 с.
- Записка вице-адмирала Серебрякова от 11 декабря 1852 г. // АКАК. Т.Х. Тифлис, 1885.
- Карлгофф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, обитающих на северо-восточном берегу Черного моря //Экономические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX—начале XX в. Нальчик: Эль-фа, 2004. 132 с.
- Общий взгляд на Кавказ и народы, там обитающие //Кавказ и Российская Империя: иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб.: Логос, 2005. 431 с.
- Об отношении дирекций народных училищ к мусульманским школам //Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах. Третье пятилетие. 1877-1881. Тифлис, 1891. 645 с.
- Отчет князя М.С. Воронцова за 1849-1851 годы //АКАК. Т.Х. Тифлис, 1885. С.897-1323.
- П.У. О распространении грамотности между горцами //Сведения о кавказских горцах, изданные с соизволения е.и.в. Главногокомандующего Кавказской армией при кавказском горском управлении. Тифлис, 1870. Вып. 14. М., 1992. 36 с.
- Северный Кавказ в зеркале имперской статистики (кон. XIX – нач. XX в.). М.: Наука, 2007. Ставропольские епархиальные ведомости. 1902. N 9. 764 с.
- Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. 225 с.
- Юхотников Ф. Нечто о горцах, учащихся в Ставропольской гимназии. Тифлис, 1871. 132 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арапов Д.Ю. Система государственной регламентации ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX веков). М., 2004. 432 с. [Arapov D.Yu. The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII - the beginning of the twentieth centuries). М., 2004. 432 p.]
- Блейх Н.О. Правовые установления российской империи в формировании статуса ислама и мусульманского духовенства в Северокавказском регионе (конец XVIII – XIX вв.) //Право и политика. 2017. № 7. С. 85-99. [Bleich N.O. Legal establishment of the Russian empire in the formation of the status of Islam and the Muslim clergy in the North Caucasus region (end of the XVIII–XIX centuries) // Law and Politics. 2017. No. 7. P. 85-99]
- Блейх Н.О. Модель традиционного исламского образования народов Северного Кавказа (X-XVIII вв.) //Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Т. 3. № 3. С. 170-182 [Bleich N.O. Model of traditional Islamic education of the peoples of the North Caucasus (X-XVIII centuries) // Bulletin of the Tyumen State University. Humanitates. 2017. Vol. 3. No. 3. P. 170-182]
- Блейх Н.О. Проблемы конфессионального образования мусульман Северного Кавказа (XIX в.) //Педагогика и просвещение. 2017. № 2. С. 67-74 [Bleich N.O. Problems of confessional education of Muslims of the North Caucasus (XIX century) // Pedagogy and education. 2017. No. 2. P. 67-74]
- Блейх Н.О. Проблемы мусульманского образования сквозь призму истории // Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 2(45). С. 03-07 [Bleich N.O. Problems of Muslim education through the prism of history // Psychology. Sociology. Pedagogy. 2015. № 2 (45). Pp. 03-07]
- Блейх Н.О., Дзанагова Л.В. Специфика просветительских тенденций у народов Северного Кавказа во второй половине XVIII начале XX века // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 96-108 [Bleich N.O., Dzanagova L.V. Specificity of educational tendencies among the peoples of the North Caucasus in the second half of the eighteenth and early twentieth centuries // Dialog so vremenem. 2018. No. 62. P. 96-108]
- Блейх Н.О. Исламский фактор в конфессиональной политике Российской империи XIX века //Политика и общество. 2017. № 5 (149). С. 19-26 [Bleich N.O. The Islamic factor in the confessional policy of the Russian Empire of the XIX century // Politics and society. 2017. No. 5 (149). Pp. 19-26]
- Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. СПб.: Логос, 2000. 456 с. [Gordin J. Caucasus: land and blood. SPb. : Logos, 2000. 456 p.]
- Кошев М.В. Из истории образования горских народов Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Нальчик, 1991. 321 с. [Koshev M.V. From the history of the formation of the mountain peoples of the North Caucasus in the XIX – early XX c. Nalchik, 1991. 321 p.]
- Селимханов А.К. Из истории просвещения в Дагестане // Ученые записки Дагестанского педагогического института. Т.1. Махачкала, 1957. С.142-165 [Selimkhanov A.K. From

the history of education in Dagestan // *Uchenye zapiski Dagestan Pedagogical Institute*. T.I. Makhachkala, 1957. P.142-165]

Чеучев Н.Ш., Хамирзова М.Н. Из истории просвещения и образования у адыгов. Майкоп, 2001. 321 с. [Cheuchev N.Sh., Khamirzova M.N. From the history of education and education among the Circassians. Maykop, 2001. 321 p.]

Блейх Надежда Оскаровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра социальной работы, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, nadezhda-blejikh@mail.ru, тел.: 8(918)835-98-55

The role of the Russian state in the development of the educational system among the Muslim peoples of the North Caucasus (XIX century)

The article raises questions about the evolution of the Islamic education system in the North Caucasus throughout the nineteenth century. The aim of the work is to identify the forms of Muslim education in the North Caucasus, their transformation. When solving research problems, such general scientific methods as methods of analysis and synthesis, concretization, generalization were applied. The sources for the preparation of the article were archival calculations, statistical reports and descriptions, materials of the pre-revolutionary periodicals, regulatory and legal regulations, as well as modern scientific literature. The chronological framework of the study is due to the fact that it was in the 19th century that the innovation policy of the Russian Empire in the field of education in relation to the Muslim peoples of the peripheral regions was most vividly and vividly revealed. It is proved that throughout the XIX century there was a transformation of institutions that provide religious education. It was determined by the policy of the Russian administration in relation to Islam and Muslims in the North Caucasus. To this end, in 1847, the Caucasus Educational District was created, whose activity was to popularize education among the mountain peoples. Its functions consisted in the prolongation of Russian legislative standards relating to the opening of various types of educational institutions: schools, county schools, gymnasiums and gymnasiums. This system of education remained unchanged until 1917.

Key words: *Russian Empire, North Caucasus region, Islamic worldview, spiritual culture, school policy, education.*

Bleich Nadezhda Oskarovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Social Work Department of the North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetaurov, nadezhda-blejikh@mail.ru